

УДК 811

*О.К. Грекова***ЭТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА
(К УЧЕБНОМУ КУРСУ РКИ)**

Статья раскрывает способность форм несовершенного вида русского глагола отображать категории этики, а именно этики ответственности. Дискурсивно-прагматические функции несовершенного вида обсуждаются в ряде сценариев современной разговорной речи: снятие ответственности, уклонение от ответа, обозначение иерархического разрыва статусов. Обсуждаются способы создания значения неопределённости относительно различных объектов в ответной реплике диалога при разных интенциях говорящего. Анализ речевого материала ведётся на фоне русского модусного ментального плана, особенностей современного социума и свойственного ему этоса и очерчивает конфигурацию личного пространства говорящего.

Ключевые слова: этика ответственности, прагматическое поле несовершенного вида, снятие ответственности, уклонение от ответа, иерархический разрыв статусов.

Можно утверждать, что функциональный учебный курс любого языка (в частности, русского) нуждается в обновлении больше, чем его фундаментальный курс. Это продиктовано, по меньшей мере, двумя обстоятельствами. Первое заключается в том, что меняется представление об образовательных стандартах; так, в наши дни мы стоим на пороге создания русской грамматики четвёртого поколения (необходимость которой была заявлена в апреле 2016 года на Международном Симпозиуме Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина «Грамматика 4.0»). В то же время на территории Российской Федерации ныне действуют требования внутрироссийского государственного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения [1]. Внедрение новых ориентиров в практику преподавания языков не может не потребовать некоторых изменений как в структуре, так и в содержании существующих учебных курсов, так же, как и разработки новых курсов.

Второе обстоятельство состоит в том, что и язык, и речь постоянно развиваются. В языке, например, происходит миграция отдельных частей речи, меняющих свою частеречную принадлежность (Напр. *Он типа заместитель будущий*), возникают новые модели синтаксического глагольного и именного управления (Напр. *Тренер в спортзале: Работайте ноги!*), происходит освоение и переосмысление заимствованных слов, возникают вторичные видовые формы, ведущие к возникновению новых видовых пар и триад (Напр. *классифицировать – расклассифицировать – переклассифицировать*) и т.д. С другой стороны, с ходом времени подвергаются изменениям коммуникативные, речевые конвенции общества, параллельно с конвенциями поведенческими.

Грамматические курсы русского языка как иностранного (далее РКИ), и без того наполненные, имеют две ясно прослеживающиеся тенденции обновления и развития. Первая из них – это склонность к интегративности грамматики, её представление не в автономной форме, а в неразрывной связи с другими аспектами языка и речи. Об этой тенденции в силу ограниченного объема статьи мы можем лишь упомянуть. На второй же тенденции – более полного отражения в курсах РКИ речевых конвенций и прагматических аспектов грамматики, в частности, глагольного вида – мы остановимся подробнее.

На этих посылах основывается данное исследование, но прежде чем перейти к конкретному материалу необходимо остановиться на одном из давно известных в курсах РКИ значений – значении неопределённости – в качестве точки отсчёта.

Материалы и методы исследования***I. Неопределённость семантическая (лексико-грамматическая)***

Значение неопределённости рассматривается в разных его проявлениях: как неопределённость субъекта в неопределённо-личных предложениях, когда производитель действия неважен/неизвестен/скрыт говорящим в силу разных причин/обобщён до версии 'все'/обозначен косвенно. Рассматривается также неопределённость – неизвестность говорящему субъекта или объекта, их нерелевантность в его личной сфере. В учебных курсах приводится значение количественной неопределённости:

в абсолюте – неопределённо малого или неопределённо большого количества предметов (*типа несколько, некоторые*) и неопределённое количество «задействованных» лиц или предметов относительно всего множества, с установлением партитивных отношений (*типа много, многие, меньшинство, большинство*). Даётся также значение неопределённости признака (*известные/определённые/те или иные/отдельные трудности*). Вводится значение неопределённости меры и степени реализации действия иногда параллельно с неопределённостью правомерности той или иной номинации свершения (*в значительной мере/до некоторой степени зависят; можно сказать, достижение; в каком-то смысле открытие; так или иначе банкротство*).

На начальном этапе, как правило, вводится неопределённость временной/возрастной/пространственной квалификации (*часа два, ему около сорока, метров сто*). Отметим, что мы не считаем своей задачей привести здесь полный список языковых средств выражения всех этих типов значения неопределённости. Подробный, хотя не закрытый перечень представлен Л.В.Красильниковой [3. С. 582-591].

Следует отметить, что немалая роль в выражении идеи неопределённости принадлежит видо-временным формам русского глагола. Одной такой крупной сферой является так называемое общефактическое значение, которое мы проанализируем в его наиболее распространённых реализациях. Из выделенных одиннадцати типовых ситуаций выражения значения общего факта далеко не все имеют дело с неопределённостью [2. С. 4-12]. Надо заметить, что в данном случае мы исключаем из рассмотрения вопросительные предложения.

1) Неопределённостью может характеризоваться количеством воспроизведений действия, по определению самого понятия общий факт.

[I] *Садовник уже поливал цветы.*

2) Неопределённым может быть агент, а также завершённость произведённого им действия (существенную роль в расстановке смысловых акцентов играет интонационно-ритмический рисунок высказывания).

[II] *Кажется, утром старший менеджер отсылал информационные письма.*

3) Неопределённостью может характеризоваться наличие/отсутствие последствий произведённого действия

[III] *Спелеологи предупреждали о возможности тектонического сдвига. Это было учтено?*

Важно помнить при этом, что общефактическое значение может быть реализовано и при полной определённости всех смысловых компонентов:

[IV] – *Можно попросить к телефону Машу?*

– *Её нет. Кто её спрашивает?*

– *Передайте ей, пожалуйста, что звонил Николай.*

II. Неопределённость прагматическая

Давно не вызывает сомнения связь русского глагольного вида с так называемыми косвенными речевыми актами. Под последними мы, вслед за Дж. Серлем, понимаем такое высказывание, в котором говорящий выполняет одновременно два иллокутивных акта (как, например, косвенный директив и псевдо-вопрос *Вы не откроете окно?*), в отличие от обычного высказывания, когда осуществляется только один иллокутивный акт, передающий пропозициональное содержание [10]. Вид глагола при этом играет важнейшую, возможно, не вполне оценённую роль.

В курсе РКИ на определённых этапах мы должны иметь в виду и представлять учащимся конвенционализованную для общества определённого периода систему косвенных речевых актов с наиболее типичными разноуровневыми средствами их выражения.

В сфере прагматики идея неопределённости может приобретать форму неопределённости суждения/неполной уверенности в точности информации – и выражаться может разными способами, например, через неопределённость местоположения предмета:

[V] – *Где ключи, ма?*

– *Я клала на подзеркальник. (Сравните: Утром положила на подзеркальник)*

Отвечающий сомневается в точности собственной памяти и вносит неопределённость в свой ответ (то есть: *Кажется, они там. Скорее всего, они там*). Иллокутивная сила высказывания таким образом снижается.

Известны и такие случаи смягчения иллокутивной силы высказывания, как хеджирование, то есть сознательная презентация говорящим точной информации как менее точной в стратегии вежливости

[VI] – Судебные слушания окончены.

– Что говорит судья? (Сравните: Что сказал судья?)

Очевиден тот факт, что если судебные слушания окончены, то вердикт суда уже существует. Спрашивающий же снимает завершенность/предельность действия, как будто процесс обсуждения ещё идёт и можно надеяться на лучшее.

Среди случаев выражения неопределённости, которую мы назвали прагматической, выделяется пласт явлений, которому посвящена следующая часть работы.

III. Этика ответственности и дискурсивно-прагматические функции несовершенного вида русского глагола

В последние годы внимание лингвистов привлекает сфера, получившая название этика ответственности. Это полидисциплинарная сфера, связанная с поведенческими нормами членов определённого социума, включая и речевые их действия. Коммуникативная сфера социума всегда была достаточно сложно структурирована; это пространство, генерирующее разноплановые, в том числе антагонистические, ценности, формирующее определённые нормы. Будучи более или менее новым объектом изучения для лингвистов, сфера эта не является новой ни для философов, ни для социологов. Так, термин ответственность встречался в работах И. Канта, Ф. Ницше (связывавшего его с понятиями свободы и справедливости в широком смысле слова), Н. Бердяева, И. Ильина.

Лев Толстой, рассуждая о категории ответственности, справедливо связывал её с определённым типом сознания (и, соответственно, «действования»). Он ориентировался на веру в самоценность собственного убеждения, которым должен руководствоваться этически действующий индивид (Цит. по: [2. С. 90].

Этика ответственности, в ее толковании М. Вебером, акцентирует другой – не внутренний (идеальный), а внешний (реальный) – аспект этически значимого действия... То есть ориентируется на эмпирически фиксируемый «результат» этого действия. И ответственность связывается прежде всего с этим результатом – со способностью индивида предвидеть и учесть его в своих действиях [Opus cit. Выделено нами. – О.Г.]

М. Бахтин воспринимал ответственность вкуче с понятием вины и считал, что первая проявляется только в диалоге – с собой, собеседником и обществом (Цит. по: [5. С. 139-152]).

Знаковыми в этом отношении представляются нам работы немецкого философа, всю жизнь занимающегося философией науки и техники, Х. Ленка, которого также можно причислить к классикам исследования этики ответственности. Х. Ленк в монографии «Прагматический разум» со всей определенностью указал на неизбежность этики ответственности в техногенном обществе. Он провидчески обосновал тот скачок интереса к теме, который наблюдается сегодня. Рассматривая этику ответственности в парадигме отношений, он описывает типы ответственности:

1) причинную (за совершенные действия);

2) ролевую, обусловленную обязанностями или компетенциями;

3) моральную, имеющую универсальную значимость;

4) разделённую, то есть ответственность корпорации и каждой отдельной личности. Он утверждает, что последняя не делится поровну между всеми её членами: человек ответствен в той степени, в какой причастен к событию [4]

О.Е. Фролова моделирует внутреннюю и внешнюю стороны понятия ответственность, выделяя бисубъектную её основу, аналогично Х. Ленку, (с субъектом-распорядителем и субъектом ответственности) и оперируя понятиями вовлечённость субъектов – обязанность – гарантия – вина – наказание – предотвращение нежелательного будущего – контроль и некоторыми другими.

Таким образом, понятие ответственности, в каком бы гуманитарном аспекте его ни рассматривали, предстаёт ёмким и многогранным. В последние годы возврат к проблематике этики ответственности наметился как в классическом, так и в неклассическом ключе. Можно сказать, что адепты обоих подходов антропоцентричны, но для сторонников неклассического подхода человек со всеми атрибутами своего социального поведения существует в пространстве обострившихся противоречий, в наши дни с константой присутствия некой агрессивной составляющей (терроризм), подчас с некоторыми сбитыми моральными вехами в общемировой экономической системе на стадии дисбаланса. Этот подход в первую очередь социально-психологичен.

Второй подход, близкий классическому, также исходит из необходимости тщательной моральной интерпретации решений и действий, осуществляемых индивидуумом. Этот подход существует на стыке этики, философии и филологии. Руководствуясь чёткими этическими и философскими постулатами, он имеет дело с материализованными в конечной счёте в речи интенциями, решениями, действиями. И в этом случае выводы исследователя становятся более доказательными.

Близкий классическому, ныне этот подход имеет и новые перспективные реализации – через исследование таких речевых действий, как выражение сожаления и раскаяния, принесение извинений. Так, исследователи школы Л.О. Чернейко обращены к системе извинений в современной разговорной речи разных регистров. Главным образом, это извинения по поводу самой речи (метаизвинения) и их речевые формы (в публичной речи анализируются извинения за «пафос», «высокий слог», «простоту», «термины», «метафору»; в речи лингвистов – за «уже однажды читанный доклад», за вкрапления в научную речь обиходных слов и т. д.). Одной из целей подобных исследований является выявление причин принесения извинений, их этической подоплёки [6. С. 245-250].

Двигаясь в том же, условно говоря, классическом русле, мы рассматриваем различные проявления этики ответственности в сценариях современной разговорной речи. Здесь мы остановимся на одном явлении этой сферы. Как преподаватели РКИ, так и инофоны замечают случаи создания (часто искусственного, намеренного) говорящим некоего значения неопределённости в ответной реплике диалога. Значение это закреплёно главным образом за формой несовершенного вида глагола, в основном прошедшего времени. Но значение неопределённости не значитсся среди частновидовых значений несовершенного вида (далее НСВ). Так возникает необходимость квалифицировать эти случаи.

В данной статье мы рассмотрим те ситуации декларирования говорящим неопределённости того или иного типа, которые ведут к снятию говорящим с себя ответственности. Нас будут интересовать общие принципы снятия ответственности, применяемые диалог-партнёрами в современном дискурсе. Снятие ответственности возможно относительно разных объектов. Это:

- а) слова, в частности, наименования,
- б) действия, поступки,
- в) полнота/неполнота предлагаемой субъектом адресату информации,
- г) последствия транслированной информации и т.д.

Представления лингвистов о прагматических особенностях НСВ расширяются. Относительно не так давно были обнаружены такие их свойства, как:

- 1) выражение личностной солидаризации говорящего с собеседником,
- 2) сокращение дистанции между говорящим и собеседником,
- 3) обозначение дефокусирования говорящего на сообщаемом факте,
- 4) создание фона для более чёткого изображения предмета,
- 5) указание на вариативность авторства,
- 6) вежливый отказ (при косвенной коммуникации),
- 7) выражение требования с риторическим вопросом в качестве его составляющей,
- 8) реализация фатической функции в письме,
- 9) реализация фатической функции при прощании в устной неформальной речи, а также ряд других.

Результаты и их обсуждение

Нами выделено несколько типов снятия ответственности говорящим. Все они заключены в прагматическом поле значений несовершенного вида глаголов.

1) Снятие с себя ответственности за совершённое действие, интенция переложить ответственность на третье лицо. В этом можно также увидеть (в определённом контексте) интенцию уклонения от ответа.

[I] – *Сколько стоит сейчас путешествие на теплоходе? Вы, наверное, знаете, ведь вы прошлым летом ездили на Кижь.*

– *Этот тур муж покупал.*

[II] – *Какой объём кирпича сегодня завезли?*

– *Кирпич принимал прораб. Его и спроси.*

[III] – *Почему отложили плановую операцию пациентки N?*

– *Решение принимал лечащий врач. Он в ординаторской.*

Во всех трёх случаях в ответной реплике не содержится запрашиваемой информации.

В приведённых ситуациях может возникнуть сомнение в преднамеренности снятия с себя ответственности говорящим. Согласно нашим наблюдениям, говорящий способен, наоборот, принять на себя ответственность, о чем должен сигнализировать пост-контекст. Например: ... – *Это муж покупал. Я у него уточню.*

... – *Кирпич принимал прораб. Он знает точно. Могу у него узнать.*

2) Полное знание выдаётся говорящим за неполное при интенции снять с себя или другого участника положения дел ответственность за полноту и точность передаваемой информации (то есть, см. далее: во-первых, 'не знаю, подписал ли/сделала ли/отослала ли' и, во-вторых: 'не знаю, этот ли агент'). Ответная реплика зачастую представляет собой предположение или его имитацию. Во многих случаях в дискурсе вычитывается интенция говорящего редуцировать нежелательные последствия переданной информации.

[IV] – *Кто подписал это распоряжение? Подпись никак не разберу. Разве это в силах человеческих – его выполнить? Ну, подумайте сами...*

– *Сегодня замдиректора подписывал, директор-то ещё в Мюнхене.*

[V] – *Кто из сотрудников сделал эту копию паспорта? Печать не читается.*

– *Кажется, копии делала наш новый секретарь паспортного стола.*

[VI] – *Мейлы все отослали?*

– *Елена же отсылала утром. Разве не все?*

3) Говорящий использует возможности так называемой ретардации, то есть намеренного переключения называемого завершённого действия (уже достигшего своего предела) на срединную фазу и представление его в виде незавершённого процесса – для снятия ответственности за действие с третьего лица.

[VII] – *Кто написал это резюме на письменную работу? Он когда-нибудь структуру резюме видел? И подпись неразборчива.*

– *Кажется, Ирина Фёдорова сегодня писала (вместо: написала).*

[VIII] – *Почему пациентку выписывают так рано? Какой заключительный диагноз поставили?*

– *Профессор Д. ставит/ставил ремиссию (вместо: поставил).*

[IX] – *Поняла она задачу?*

– *Папа ей объяснял (вместо: объяснил).*

[X] – *Что, папа теперь будет жить не с нами?*

– *Ну да, родители разводятся. Ты что, не знаешь? Отец же тебе рассказывал (вместо: рассказ).*

Последние два типа не имеют четкой линии раздела, они могут выступать в единстве. В целом следует отметить, что они с большей уверенностью разграничиваются в расширенном контексте.

Если бы автор второй реплики использовал совершенный вид (далее СВ) глагола (см. данное в скобках), то такой ответ не оставил бы сомнений у спрашивающего, так как в этом варианте действие предстаёт законченным и СВ реализует так называемое перфектное значение, то есть наличествующего результата (другими словами, *резюме написала Фёдорова; пациентку выписывают так рано, потому что профессор поставил диагноз ремиссия; папа объяснил ей задачу и, скорее всего, она поняла; отец всё тебе рассказал и ты должна это знать*).

4) Для смягчения предъявляемых ему претензий и требований говорящий делает вид, что готов признать свою вину. При этом уверенное знание выдаётся за неуверенное – для снятия с себя ответственности за действие или его отсутствие. В подобных случаях высказывание с формой прошедшего времени несовершенного вида (ПН) звучит как желание оправдаться перед строгим собеседником.

[IX] – *Почему вы не прислали требуемые документы?*

– *Я высылал, ещё в ноябре. (Ср. с высказыванием, более соответствующим реальности: Я выслал ещё в ноябре).*

[X] – *У вас не уплачен налог на земельный участок.*

– *Не знаю, я платил одновременно налоги на дом и на участок. (Ср. с высказыванием, более соответствующим реальности: Я заплатил одновременно налоги на дом и на участок).*

[XI] – *Где же письмо из района? Я же просил принести в кабинет?*

– *Не знаю [где оно. – О.Г.], я приносила. Ещё утром (Вампилов). (Ср. с высказыванием, более соответствующим реальности: Я принесла ещё утром).*

Последние три фрагмента реальных диалогов представляют собой выражение упрека в исходной реплике и реакцию на него в ответной реплике.

В [IX], [X] и [XI] можно отметить мнимую неуверенность говорящего в сообщаемой информации, некоторое снижение им собственного статуса, намеренное подчёркивание иерархического разрыва в позициях собеседников. Ответные реплики содержат оправдание в действиях, исполненных, по предположению говорящего, недолжным образом.

Использованные говорящим в случае 4 видовременные формы обладают в данных ситуациях манипулятивной функцией. Причём говорящий может манипулировать ситуацией как в собственных интересах, так и в интересах собеседника или третьего лица. Так, подчёркивая иерархический разрыв статусов говорящего и собеседника, он надеется на благоприятное решение своей проблемы (манипуляция в своих интересах). Выражая мнимую неуверенность в том, что документы, налоги, письмо дошли до адресата, он снимает неприятное для собеседника (2-е лицо) и его коллег предположение о нечёткости работы организации (манипуляция в интересах второго и третьих лиц).

Можно прийти к выводу, что из четырёх типов ответственности по Х. Ленку наиболее частотными в нашем материале выступают два: причинная ответственность (за совершённые действия) и ролевая (обусловленная обязанностями или компетенциями). Особняком стоит наш четвёртый случай, который можно было бы назвать квази-снятием с себя ответственности (за мнимую вину не совершённого якобы действия).

Приведённые примеры привязаны к разнообразным ситуациям современного общества, но с преобладанием служебных, официальных. Снятие с себя или третьего лица ответственности проявляет специфику личности говорящего и адресата в той же мере, что и особенности конкретного социума как такового и свойственного ему этоса.

Идея этикетной функции использования видо-временных форм русского глагола давно известна в функциональной аспектологии и реализуется в ряде учебных курсов РКИ. Однако приведённые результаты наблюдений показывают, что рассматривать следует и более широкую сферу – сферу этики, где более полно проявляется прагматический потенциал форм несовершенного вида.

В ряде современных работ по прагматическому конструированию [9. Р. 231-276] отмечается ключевая роль точки отсчёта, в которую помещает себя говорящий. Выбирая точку отсчёта, он зачастую попадает и в определённую систему социальных координат, важнейшими из которых, по мнению М. Аояги, являются власть и дистанция [8. Р. 334-339]. В предлагаемой в данной статье типологии проявления этики ответственности в прагматической сфере НСВ русского глагола четвёртый тип связан именно с дистантным расположением говорящих на социальной лестнице: говорящий (отвечающий на некое требование) в социальной иерархии находится ступенью ниже, а адресат его сообщения – ступенью выше. При этом в рамках ситуации официального общения адресат этот обладает определённой властью.

Рассмотренный языковой/речевой материал приводит к необходимости расширить имеющиеся представления о границах прагматического поля НСВ, а именно к необходимости рассматривать разные типы контекста употребления НСВ: не только семантико-синтаксический, но и концептуальный, коммуникативный, социальный.

Заключение

Предложенный вниманию читателя материал статьи, на наш взгляд:

- 1) проливает свет на конфигурацию личного пространства говорящего;
- 2) расширяет представления об устройстве русского модусного ментального плана;
- 3) помогает кое-что прояснить относительно самих норм современной русской речи;
- 4) приближает иностранных учащихся к реальным дискурсивным сценариям современной разговорной речи;
- 4) может быть использован ими как при текстовосприятии, так и при текstopорождении;
- 5) углубляет осознание постулатов культуры речи;
- 6) способствует воспитанию взыскательного автора и реципиента русской речи.

Дискурсивно-прагматические функции глагольного вида, в первую очередь НСВ (т.к. они более развиты), должны быть исчислены так же, как и частновидовые функции русского глагольного вида, и описаны в функциональной парадигме. Наиболее частотные из них следует включить в практический курс РКИ на определённом этапе обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственные образовательные стандарты РФ. 1999, 2000. URL: <http://gct.msu.ru/0307>.
2. Грекова О.К. Общий ли факт, или практические заметки – 3 о выборе глагольного вида // Слово. Грамматика. Речь (Сборник научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного). Вып. V. Москва, Изд-во МГУ, 2003. С. 4-12.
3. Давыдов Ю.Н. Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой // Этическая мысль. Вып. 7. РАН – Институт философии. М., 2006. С. 90-112.
4. Красильникова Л.В. Выражение значений определённости – неопределённости в русском языке // Книга о грамматике. Материалы к курсу «Русский язык как иностранный»: в 2 т. Т. II. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 582-592.
5. Ленк Х. Прагматический разум. Философия между наукой и практикой / пер. с нем. В.Г. Горохова. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6037/>.
6. Фролова О.Е. Ответственность как диалог // Etnolingwistyka. Problemy Jezyka I kultury. Т. 21 / Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, Lublin. 2009. С. 139-152.
7. Чернейко Л.О. Культура речи в сфере этики ответственности // Труды ин-та Русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 2. М., 2014. С. 245-260.
8. Aoyagi M. Selection of Japanese categories during social interaction // Taylor J.R., MacLaury R.E. (ed.) Language and the Cognitive Construal of the World. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 331-364.
9. MacLaury R.E. Vantage Theory// Taylor J.R., MacLaury R.E. (eds.) Language and the Cognitive Construal of the World. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 231-276.
10. Searle J.R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech acts. New York: Academic Press, 1975.

Поступила в редакцию 15.02.17

O.K. Grekova

RESPONSIBILITY ETHICS: RUSSIAN IMPERFECTIVE VERBS' PRAGMATIC SPHERE (RFF TEACHING MATERIAL)

The paper reveals the Russian Imperfective Verbs' ability for depicting the Ethical Categories: Responsibility Ethics. The discursive-pragmatic Imperfective Verbs' functions are being discussed in modern colloquial speech scripts: Responsibility Remission, Response Evasion, Hierarchic Gap Emphasizing. Different methods of creating the meaning of Vagueness in regard to diverse objects in the dialogue reply corresponding to various speaker's intentions are described. The speech analysis is being accomplished against the background of Russian Modus Mentality, the peculiarities of modern society and its Ethos and outlines the Speaker's Personal Sphere Configuration.

Keywords: Responsibility Ethics, Russian Imperfective Verbs' Pragmatic sphere, Responsibility Remission, Response Evasion, Hierarchic Gap Emphasizing.

Грекова Ольга Константиновна,
кандидат филологических наук, доцент
МГУ имени М.В.Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: olggre@list.ru

Grekova O.K.,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, MSU, Moscow, Russia, 119991
E-mail: olggre@list.ru